

Владимир Дэс

Колбаса

*Часть сборника
Степан (сборник)*

Владимир Дэс Колбаса

Текст предоставлен автором
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=5816137

Аннотация

«Плакат уходит вверх. Сцена раскрывается. Открывается квартира Художника, она же мастерская. Позднее утро. Кругом картины на разных стадиях завершенности.

В углу – небольшая пальмочка. Слева и чуть впереди стоит мольберт, а на нем – огромная картина с одним-единственным деревом. Вверху – скошенные рамы, через них на не совсем чистый пол падает солнечный свет. Справа – стол, заставленный пустыми бутылками...»

Содержание

Действие первое	6
Сцена первая	6
Сцена вторая	20
Конец ознакомительного фрагмента.	22

Владимир Дэс Колбаса

(моменты нашего времени)

Комическая трагедия

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

ХУДОЖНИК.

ЕВА, женщина без пупка.

СУМАСШЕДШИЙ.

ЧИЖИКОВ, сотрудник аппарата Пал Палыча.

ФИКУС.

ДВА ПРОЛЕТАРИЯ.

ПАЛ ПАЛЫЧ, крупный административный деятель.

ЗОЯ, его секретарша.

СЕМЕН МИХАЛЫЧ, друг Пал Палыча, его предшественник на должности, кавалер редкого ордена.

ПЯТЕРО СОВРЕМЕННЫХ ЛЮДЕЙ.

БАРМЕН.

ПОДРУГА ЗОИ, красивая женщина, в которую влюблен Убийца.

ВЛЮБЛЕННЫЙ УБИЙЦА

МАТРЕНА ИВАНОВНА, работник музея.

МАЛЕНЬКИЕ ЛЮДИ С ЖЕЛТЫМИ ЛИЦАМИ.

До действия при закрытой сцене висит большой квадратный плакат:

«Колбаса – один из самых дефицитных продуктов в эпоху развитого социализма».

Действие первое

Сцена первая

Плакат уходит вверх. Сцена раскрывается. Открывается квартира Художника, она же мастерская. Позднее утро. Кругом картины на разных стадиях завершенности.

В углу – небольшая пальмочка. Слева и чуть впереди стоит мольберт, а на нем – огромная картина с одним-единственным деревом. Вверху – скошенные рамы, через них на не совсем чистый пол падает солнечный свет. Справа – стол, заставленный пустыми бутылками.

Из репродуктора звучит песня «Как прекрасен этот мир».

Квартиру прибирает молодая девушка, на ней короткая юбка и небольшой топик. Она негромко напевает, вторя мелодии. Это Ева.

На приставном столике у дивана стоит телефон.

Слева открывается дверь и из проема выходит, потягиваясь, заспанный и помятый Художник, одетый в стеганный халат.

ХУДОЖНИК *(оглядев мастерскую), Да-а... погуляли. Замечает Еву, застывшую при виде Художника в немом*

благоговении.

ХУДОЖНИК. А-а... ты. Уже прибираешь? Ну, молодец. Иди поцелую.

Она подходит. Делает книксен. Он целует ее в темечко и опять оглядывает мастерскую.

ХУДОЖНИК. Да... погуляли. (*Он подходит к огромной картине с одиноким деревом, рассматривает ее с интересом и удивлением.*) Что-то больно много тут нарисовано. (*И задумчиво.*) Всего нового...

Ева подходит и тоже смотрит на картину.

ЕВА. Так на ней же все вчера рисовали.

Художник вопросительно смотрит на Еву.

ЕВА. Вы же сами разрешили. Сказали, что каждый человек в душе художник, надо только разбудить его.

ХУДОЖНИК. Кого?

ЕВА. Художника.

ХУДОЖНИК. Какого еще художника?

ЕВА (*терпеливо*). Художника, который у каждого в душе.

ХУДОЖНИК. И чего?

ЕВА. Ничего. Вот ваши гости и будили. Дорисовывали вашу картину.

Художник, отойдя шагов на пять, принимается рассматривать картину с новым интересом. Потом пару минут ходит вдоль картины, словно меряет ее шагами.

ХУДОЖНИК. А вообще-то в этом что-то есть. Я ее, пожалуй, выставлю...

ЕВА. Куда?

ХУДОЖНИК. Не куда, а где!

ЕВА. И где?

ХУДОЖНИК. На моей персональной выставке. Купить такую громилу вряд ли кто купит, значит и гонорар делить не придется. А смотреться она будет, особенно если повесить прямо у входа. Авангард, причем больших размеров. *(Вдруг он, как будто вспомнив о чем-то важном, бьет себя ладонью по лбу.)* Чижиков не приходил?

ЕВА. Никого не было.

ХУДОЖНИК *(глянув на часы)*. Обещал договориться насчет выставочного зала.

ЕВА. Он вчера еще обещал вам фикус.

ХУДОЖНИК. Какой еще фикус? Зачем?

ЕВА. А вы договорились с ним поменять меня на фикус.

ХУДОЖНИК *(явно ошарашенный очередной новостью)*. Тебя – на фикус?

ЕВА. Да.

ХУДОЖНИК. А зачем мне фикус?

ЕВА. Не знаю.

ХУДОЖНИК. А ты ему зачем?

Ева удивленно смотрит на художника, потом со значением оглядывает себя, медленно оглаживает свое тело руками.

ЕВА. Он сказал, что любит меня.

ХУДОЖНИК. Вот идиот!

Ева надувается.

ХУДОЖНИК. Ну полный идиот! Тебя же любить нельзя. Как можно любить кухонную машину? Лучше бы насчет зала договорился. А то выставка на носу, а разрешения на зал до сих пор нет.

Звонит телефон. Ева берет трубку. Слушает. Говорит «да» и кладет трубку.

ЕВА. Чижиков звонил. Сказал, что сейчас фикус привезет.

ХУДОЖНИК. Только фикусов мне сегодня не хватает. (одной рукой держится за голову, другой хватается за серд-

це.)

В дверь стучат. Потом она со скрапом открывається.

В нее заглядывает взлохмаченная голова с пенсне на носу и с большими тенями под глазами.

ХУДОЖНИК. Ну вот, пожалуйста, полный набор – уже психи в гости ломятся. **СУМАСШЕДШИЙ.** Я уже не псих, я ваш сосед. Или не узнали?

ХУДОЖНИК. Узнали-узнали. Заходи, не стой в дверях, а то сейчас еще один ненормальный фикус втаскивать будет.

Сумасшедший робко входит. На нем пиджак на голое тело, но на шее бабочка. А еще – шорты и наколенники.

СУМАСШЕДШИЙ (робко). Можно?

ЕВА. Да можно, можно. Входите.

Сумасшедший подходит к Еве, трепетно целует ей руку. Ева нежно гладит его всклокоченную шевелюру.

СУМАСШЕДШИЙ. Я тут немножко постою у вас? (С опаской косится на Художника.)

Тот машет рукой – стой, мол.

Сумасшедший тут же бухается на колени и, упершись

локтями в пол, застывает в весьма недвусмысленной позе. Ева испуганно отскакивает от него.

ХУДОЖНИК. Ты чего? Просился постоять, а сам чего вытворяешь?

СУМАСШЕДШИЙ (*выворачивая голову в сторону Художника*). Так я и стою. Я же теперь стул. Прошу садиться.

Он на карачках, по-крабьи движется в сторону Художника. Тот прячется за огромную картину с деревом.

ХУДОЖНИК. Спасибо. Я лучше постою.

Тогда Сумасшедший таким же ходом подползает к Еве и просительно смотрит на нее.

Ева, застывшая было со шваброй в руках, осторожно присаживается на его спину. Тот закатывает глаза и блаженно мычит. Художник, видя эту идиллическую картину, выходит, оправляя халат, из-за картины и как ни в чем не бывало подходит к ним, хотя останавливается все же чуть поодаль.

ХУДОЖНИК. Так ты ведь еще неделю назад был премьер-министром.

СУМАСШЕДШИЙ. Да ну его! Надоело. Куда ни приду, как скажу, что я премьер, так сразу бить начинают. Даже

в родном сумасшедшем доме мордовать стали. И ладно бы только санитары, это дело давно привычное, а то ведь и свой брат-сумасшедший норовит по морде врезать. Я главврачу пожаловался. Какое у этих идиотов право бить меня, министра? Раньше же министров не били... А он говорит, будто у нас, в нашем сумасшедшем доме, как и по всей стране, теперь воцарилась демократия, поэтому каждый может врезать кому угодно, чем угодно и по чему угодно, в том числе и по министрам.

А почему же тогда, я спрашиваю главврача, того идиота, который уверен, что он молоток, никто не бьет, даже санитары. Так ведь он, отвечает мне главный, пользу приносит: гвозди головой заколачивает, а от твоей премьерской головы что за толк? Вот тебя и лупят. Тогда я и решил стать стулом, хоть какую-то пользу людям приносить. Надоело быть битым министром.

Сумасшедший пружинисто подымается и опускается на коленях и локтях, плавно покачивая Еву.

ХУДОЖНИК. Так бы сразу и объяснил, а то раньше: «Я министр, я премьер!» Ну, думаю, сосед окончательно с ума сошел, раз в министры подался. В наше время не то чтобы министром, даже мэром-то только самый отчаянный согласится стать. А стулом – это хорошо. *(Подходит к Сумасшедшему и тоже присаживается на него.)* Это ты вовремя ре-

шил стулом заделаться, а то вчера у меня гости опять рас- спорились, кто из них самый гениальный, и, как всегда, все стулья поломали.

Ева возвращается к уборке. Художник поудобнее устраивается на Сумасшедшем, пододвигает к себе столик с телефоном и набирает номер.

За дверью слышится страшный грохот, будто тащат волоком огромный шкаф.

ЕВА. Ой, это он!

ХУДОЖНИК (вскакивая). Кто «он»?

Сумасшедший уползает под стол.

ЕВА. Чижииков.

Открывается дверь, и два Пролетария втаскивают огромную кадку с Фикусом, затянутым марлей. Следом, вытирая пот и отряхиваясь, входит Чижииков. На нем темный костюм, кроссовки и яркий галстук. Пролетарии вытаскивают Фикус на середину сцены и, опасливо озираясь по сторонам, пятятся к двери.

ПРОЛЕТАРИЙ (Чижиикову). Ну, так мы зайдем... как договаривались? **ЧИЖИКОВ** (нетерпеливо машет им ру-

кой: идите, идите, мол). Зайдете, зайдете.

Пролетарии уходят.

ЧИЖИКОВ (*патетически выкидывая руку в сторону Фикуса*). Вот! Вчера обещал – сегодня выполнил.

Все медленно подтягиваются к Фикусу, окружая его. Сумасшедший вылезает из-под стола и тоже подходит.

Чижииков жестом фокусника сдергивает с фикуса марлю и все, отпрянув на шаг, застывают.

Фикус, раскачиваясь из стороны в сторону, держит в ладонях, как в руках, бутылку и стакан, наполняет стакан и медленно выливает из него в кадку. Тишина, слышны только бульканье и журчанье.

Все поражены, кроме Чижиикова.

ЧИЖИКОВ. Это мы его в управлении приучили. Вначале мы выливали остатки от банкетов в кадку. А потом он и сам насобачился. Стащит бутылку – и в кадку. Но когда банкетов нет, сильно с похмелья болеет.

При слове «похмелье» Фикус вздрагивает и весь как бы сжимается.

ЧИЖИКОВ. Вот видите, его даже от слова этого корчит.
ХУДОЖНИК (*оглядывая Фикуса*). А что, он и слова по-

нимает?

ЧИЖИКОВ. Не все, конечно. (*Потом, как бы вспомнив, добавляет.*) В основном неприличные.

Ева, повернувшись к Фигусу спиной, наклоняется, чтобы поднять стул. Фигус быстро поворачивается в ее сторону и смачно хлопает ее листом по заду.

ЕВА. Ой!

ЧИЖИКОВ (*Фигусу, агрессивно*). Ну, ты, придержи лапы, это тебе не на банкете!

ХУДОЖНИК. Дела-а... (*Качает головой и не спеша закуривает сигару*).

СУМАСШЕДШИИ. Какой-то ненормальный фикус.

ЧИЖИКОВ. Нормальный он. Просто когда переберет за воротник, то есть в кадку, начинает к дамам приставать, как наш Пал Палыч. (*Он оглядывает мастерскую и, заметив пальмочку, показывает на нее и на Фигусу.*) Ты его подальше от пальмочки ставь. Она у тебя, я смотрю, совсем еще ребенок. А этот старый пень, стыди его не стыди, все к молодым лезет. Все маргаритки у нас в конторе загубил.

Фигус смущенно ежится.

ХУДОЖНИК (*отходя от Фигуса*). В вашей конторе и саксаул завянет. А с чего ты, Чижиков, взял, что я его у себя

оставлю?

ЧИЖИКОВ (*удивленно*). Как с чего? Ты же вчера ночью в ногах у меня валялся, Фикус выпрашивал. Плакал, кричал, будто все тебя продали, что друзей нет, одни собутыльники. А Фикус, мол, это круто, это самое то, что тебе нужно. Даже Еву обещал мне за него отдать.

При этих словах Фикус распрямляется, а Ева замирает.

ХУДОЖНИК (*вопросительно глядя на Еву*). Правда?..

ЕВА (*кивает*). Да, так все и было.

ХУДОЖНИК (*смущенно*). «Обещал, обещал»... (*Впроем, смущение его быстро проходит, и он обращается к Чижикову уже с напором.*) Ты тоже мне выставочный зал обещал пробить, я ведь помню. А то «обещал-обещал»! Гони зал и забирай Еву. А Фикус твой мне и даром не нужен.

Фикус от страха за свою судьбу снова съезживается.

ЧИЖИКОВ. За зал шефу в лапу дать надо.

ХУДОЖНИК. Ну так дай!

ЧИЖИКОВ. Так это же тебе зал нужен.

ХУДОЖНИК. Так это же тебе – Ева нужна.

Ева закрывает лицо руками. К ней на четвереньках подползает Сумасшедший, трется об нее, и она снова садится ему на спину.

ЧИЖИКОВ. Опять обманешь.

ХУДОЖНИК. Сделаешь зал – отдам. Слово даю.

ЧИЖИКОВ. «Слово, слово». Лучше бы сказал, где ее взял. (*Мечтательно*). Мне бы такую: не ест, не пьет, не ругается, только моет, стирает и готовит целыми днями. И к тому же без пупка. (*При этих словах все смотрят на живот Евы.*) Вот это девушка, так девушка. Я бы на ней даже женился!

ХУДОЖНИК. Ох, и дурак ты, Чижиков! Я же тебе сто раз говорил, что никакая она не девушка, а робот.

ЧИЖИКОВ. Ну скажи тогда, где ты взял этого робота?

ХУДОЖНИК. «Где взял, где взял»... Книги, Чижиков, читать надо.

ЧИЖИКОВ. Я читал про «Целину» недавно.

ХУДОЖНИК. Про «Целину» это уже давно. В общем, так, Чижиков, вот при Еве говорю... (*Машет рукой Еве, та подходит.*) Сделаешь зал – отдам ее, а Фикус, так уж и быть, оставлю у себя. (*При этом он легонько так подталкивает Еву к Чижикову.*) А не сделаешь зал – о ней забудь (*отодвигает Еву от Чижикова*) и баобаб свой забирай.

ЧИЖИКОВ (*тоскливо*). Не баобаб, а Фикус. Зал-то не проблема, проблема, где девятьсот тысяч взять на взятку, когда у меня всей наличности сотня, – вот в чем вопрос.

Чижиков достает из кармана бумажку достоинством в сто тысяч рублей. Фикус вырывает у Чижикова купюру,

кладет ее на мольберт и, схватив кисточку, начинает что-то на ней малевать.

Все застывают.

Наконец Чижииков подскакивает и срывает с мольберта свою деньгу.

Все подбегают к нему и наклоняются вокруг над бумажкой. При этом Сумасшедший бегаёт на четвереньках вокруг. Время от времени он пытается вскочить на ноги, но тут же опускается со словами: «А вдруг опять бить будут», и бегаёт вокруг на четвереньках.

Слышно, как громко ахает Ева.

ХУДОЖНИК. Однако...

ЧИЖИКОВ. Испортил, гад, последние деньги.

ХУДОЖНИК. Дурак ты, Чижииков! Он тебя спас: он тебе вместо ста тысяч нарисовал девятьсот. (*Кладет руку на плечо Чижиикову.*) Иди теперь и смело давай в лапу.

ЧИЖИКОВ. Так таких же денег не бывает.

ХУДОЖНИК. А кто их сейчас разберет? Каждый день что-то вдруг возникает и так же вдруг пропадает. Давно уже все запутались, что есть что.

ЧИЖИКОВ (*радостно*). А ведь и правда! Если я своему шефу скажу, что это мне из банка первую прислали, он ведь поверит. Он, когда деньги видит, всему верит, все забывает и все разрешает. Побегу. Раньше отдам – раньше получу (*и при этом смотрит выразительно на Еву.*)

Чижиков, радостный, убегает.

Сцена этим временем сдвигается, и появляется приемная и кабинет начальника Чижикова – Пал Пальча.

Сцена вторая

Приемная Пал Палыча, начальника управления.

В приемной большой стол, сервант и много стульев.

На одном из стульев сидит, подперевшись зонтом, какой-то человек. От долгого ожидания он уже дремлет, то и дело соскальзывая с зонта.

За столом сидит брюнетка лет тридцати.

Это Зоя, секретарша Пал Палыча. Яркая помада. На глазах много туши. Длинные ногти.

На приставном столике телефоны, во множестве, компьютер, факс.

Все телефоны громко трещат. Но Зоя не обращает на них никакого внимания, она разглядывает яркий журнал.

На середине сцены перегородка, отделяющая приемную от кабинета Пал Палыча.

Почти весь кабинет Пал Палыча занимает огромный стол с гигантским креслом на возвышении.

От стола к зрителям тянется в наклон к концу сцены стол заседаний со стульями. Пал Палыча пока не видно – он что-то ищет под столом.

Наконец он поднимается. Удивленно смотрит на зал. Делает серьезное лицо. Нажимает кнопку селектора.

ПАЛ ПАЛЫЧ. Зоя Никандровна, найдите.

Зоя складывает журнал и, подтянув юбку кверху, расстегнув пуговицу кофточки, заходит в кабинет к Пал Палычу, вертя в руках свои большие очки.

ЗОЯ. Чего?

Пал Палыч показывает глазами на зрителей. Зоя оборачивается на зрителей и моментально преобразается: поправляет юбку, надевает очки, застегивает пуговичку на блузке; выражение лица из развязно-панибратского становится строгим и неприступным.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.